

2207

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Лид. Россия, 1981, ?

Алексей КОНДРАТОВИЧ

«ВСЮ ЖИЗНЬ ЛЮБИЛ ОН РИСОВАТЬ ВОЙНУ...»

«Солдатами не рождаются. Один из моих знакомых, которому название романа Константина Симонова не очень понравилось, сказал как-то, что все это лишь поверхностная символика и мнимая многозначительность: не рождаются и академиками, и доярками — рождаются младенцами... И все же, возражал я, название романа если не отличное, то очень точное, солдата не делает солдатом даже армия. Только война.

И я привел в качестве примера случай, который мне никогда не забыть. Произошел он на Мурманском направлении в 14-й дивизии, где приблизительно за год до этого вместе с Евгением Петровым был Симонов, как раз в расположении того батальона, где находились оба писателя, как раз возле той землянки, в которой рассказывал о встрече с ними комбат (как жаль, что не могу припомнить его фамилии!). Он рассказывал, когда внезапно в землянку вбежал ординарец:

— Товарищ капитан, убило там сейчас возле землянки... — В том, как он говорил, была явная оторопелость.

— Кого убило? — сильнее ординарца удивился сам комбат.

— Да одного из двух солдат, что поджидали вас...

Землянки в тех местах были жалкими, без обычных накатов (леса-то нет, гористая тундра). Обычно лепились они к скалам,

валунам так, чтобы можно было из тонкостенных кривоватых полярных березок вместе с хворостом соорудить что-то вроде потолка, на который без особой опаски клали хоть какой-нибудь слой земли: тогда и будет землянка. А тут убило. Чем убило, как убило, если мы не слышали и выстрела, а от разрыва одного снаряда или мины у нас в землянке наверняка все вздрогнуло бы.

Мы выскочили наверх и увидели распростертого солдата без кровинки на лице и рядом с ним стоящего тоже без кровинки, лишь как-то подергивающего безмолвно губами его товарища. Когда я шел к комбату, то видел их, они сидели на большом, теплом на солнце камне, и сопровождавший меня еще спросил, что они тут делают, и один из них, тот, что теперь был мертв, ответил, что их прислали из полка в распоряжение комбата, а тот должен отправить их в роту. Было видно, что это еще не обстрелянные новички, шинели на них выглядели чистыми, и держались они робко, чуть ли не прижимаясь друг к другу. Совсем молоденькие. «Детеныши», — еще подумал я. Но вот один из них уже мертв «Что произошло?» — спросил комбат, и тот, что остался в живых, чуть не плача сказал, что он и сам не понимает, как все случилось. «Сидели мы разговаривали, и вдруг Коля (он так и сказал — Коля) упал». Возле левого диска

Коли кровоточила еле заметная ранка.

Кругом было на редкость тихо, и я ничего не понимал.

И тогда комбат объяснил мне, что до переднего края здесь метров семьсот, до немцев — километр, залетела какая-то пуля на излете и определенно шальная...

Тогда меня больше всего поразило, как можно, на войне нелепо и неожиданно погибнуть. Даже не побывав на передовой. Потом я много раз думал о другой судьбе — того, оставшегося в живых товарища Коли. С какого потрясения начался для него фронт? И кем он стал после этого? Уверен: если все прошло для него более или менее благополучно, стал солдатом. Солдатами становятся. Да, солдатами действительно не рождаются. Потому что само понятие «солдат» — так, как оно сложилось веками, — включает в себя, помимо храбрости, мужества, отваги и прочих доблестей, и еще одно неперемное качество — опыт. Не случайно во время войны в ходу было теперь такое редкое словечко, как «бывалый». Бывалый воин. Бывалый солдат. Василий Теркин. Причем бывалым мог быть, в сущности, мальчишка лет двадцати, но уже, как говорится, прошедший огни и воды. И так же не случайно солдатами не без оттенка почетной славы порой называют и генералов и самих маршалов.

Много позже войны я через

посредство Симонова, принесшего в «Новый мир» рукопись Конева, познакомился с самим Иваном Степановичем. Стоило его впервые увидеть воочию, как сразу же приходило на ум: вот настоящий старый Солдат. Хоть и маршал. Глубокие, твердо высеченные годами черты не сколько простоватого лица. Умные, спокойные глаза чего только не повидавшего на сво-

творение само по себе превосходное, недавно я его перечитал — живет и останется долго жить. Выскажу, коль к слову пришлось, свое, считайте, субъективное мнение: думаю, что после лирической книги, насыщенной пропитанной еще и мужеством, суровой и целомудренной духом самой войны, после книги стихотворений «С тобой и

ем веку человека. Он был не в военной форме, а в штатском и одинаково походил на вышедшего на пенсию сталевара или еще работающего председателя колхоза. Но больше всего — именно на Солдата. Передо мной был действительно Солдат — революции, трех войн, партий, народа.

Как мне кажется, в названии романа «Солдатами не рождаются» есть итог мысли Константина Симонова и о себе, а не только о других.

Он тоже становился солдатом. И стал им. И воспел его.

Я увидел Константина Симонова первый раз осенью 1938 года в ИФЛИ, куда он, окончив Литературный институт, поступил в аспирантуру. Он был синеглаз, черноволос, строен, с мягкими, овалом круглыми чертами лица. Красив и уже знаменит. Было ему двадцать три года, но, как многие (не все!) настоящие таланты, он буквально ворвался в литературу. В ИФЛИ отлично знали его поэмы «Победитель» о Николае Островском, «Павел Черный» и «Ледовое побоище», поэму историческую. Особенно нравилось стихотворение Симонова «Генерал», посвященное памяти генерала Лукача, Мате Залка. Все, что происходило тогда в Испании, волновало молодежь, а в ИФЛИ еще училась дочь Мате, живая, обаятельная Наталья, которую все звали любовно и нежно — Талка-Залка. Да и стихо-

без тебя» Симонов-прозаик сначала несколько потеснил, а потом и оттеснил и даже придавил Симонова-поэта, лирика. Я лично об этом сожалею: как бы ни были значительны и нужны его романы, интереснейшее дарование Симонова-поэта осталось недо конца раскрытым.

Но вернусь к Симонову тому, далекому, довоенному. Как раз от солдата тогда в нем решительно ничего не было. Может, кроме стиха, мерно-четкого, как бы уже походного, как бы уже примерявшего на себя шинели, иногда с чужого, но прекрасного плеча, как это было в «Генерале», где так явственно слышна интонация знаменитого «Воздушного корабля» Лермонтова о Наполеоне. С чужого, но уже ладно сидевшего на нем самом. И было еще как-то немного странно, что он, Симонов, почему-то вздумал учиться в аспирантуре. Ну зачем она ему? Что он, филологом, что ли, собирается стать?..

Бойцовские качества в нем обнаружили рано. И потому никто не удивился, когда он в следующем, 1939 году исчез из аспирантуры и объявился как корреспондент газеты на Халхин-Голе. Это было в духе Симонова, в его образе, каким он в то время стал складываться у читателя.

Во время войны среди журналистской братии о Симонове уже ходили легенды. Замечу, что ему тогда было лет двадцать

шесть — двадцать семь, а он уже назывался в самой первой десятке писателей, воевавших на фронте и писавших о фронте. Слово их жадно ловила вся страна, а на самом фронте их имена были всеизвестны.

Константин Симонов был фантастически работоспособен, оперативен и смел, дерзок. Чего-чего, а опасности он не боялся. Казалось, он играет с опасностью и самой смертью: посмотрим еще, кто кого. Все это можно почувствовать по его военным дневникам, если в них внимательно вчитываться и додумывать за автора, чего он недосказал, скрыл от нас, читателей. А недосказывал, скрывал он только одного себя. В дневнике, жанре, казалось бы, сугубо исповедальном, Симонов все время держит себя где-то на втором, а то и на третьем плане.

Однажды я сказал об этом Симонову, и он ответил на это чисто по-симоновски: «А как же иначе, это же не дневник инстингута, а дневник военных лет, то, что я видел не где-нибудь, а на войне».

Сказал же я ему в связи вот с чем. В дневниках Симонова есть небольшой рассказ о том, как он с Евгением Петровым попал под жестокий огонь на наблюдательном пункте одного из полков 14-й дивизии. Небольшая цитата:

«Когда два снаряда попадают совсем близко впереди и сзади нас, флегматичный украинец-наблюдатель говорит ленивым голосом:

— В аилку взяли. Тот впереди, этот — сзади. Теперь аннурат в нас будет. Петров смеется и говорит мне в ухо:

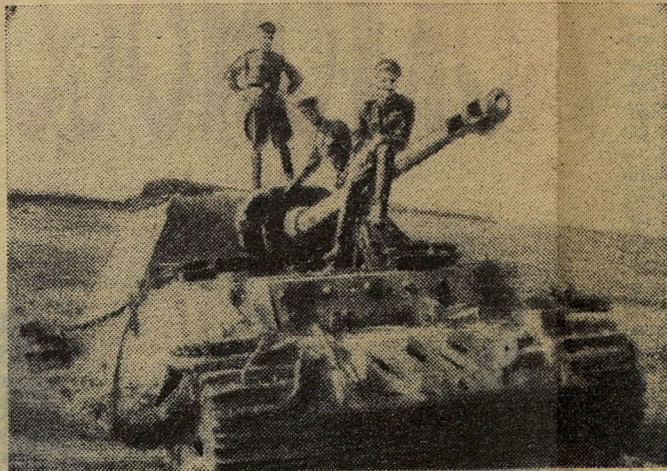
— Как ни странно, такая форма пророчества успокаивающе действует на нервы. А? Ему нравится спокойствие украинца...»

Дело в том, что я разговаривал с «флегматичным украинцем-наблюдателем», когда после Симонова и Петрова побывал и в батальоне, и на КП, и на знаменитой в тех местах и в то время высоте «Пила», о которой тоже пишет Симонов в дневниках. И вот этот украинец, хорошо помнивший писателей и обстрел, под который они попали, сказал мне: «А ведь мы были точно в вилке, и следующий снаряд попал бы...

дуть. И ведь почти, стержень, угодил: метрах в трех от КП в валун вдарил так, что от камня к нам одни брызги посыпались, почисте снарядных осколков».

Об этом в дневнике ни слова. И когда я Симонову напомнил, он только пожал плечами: «Мало ли о чем я не писал. Меня в том эпизоде больше всего Петров интересовал». И усмехнулся, держа в правой руке пу-

его командировочных удостоверений, наверное, можно было бы переплести целую толстую книжку. Но это шутка. А не шутка — не в моей одной памяти навсегда отпечатались четыре выходящие во время войны одна за другой книги Константина Симонова «От Черного до Баренцева моря. Записки военного корреспондента». Сравнительно небольшого формата,

Константин СИМОНОВ (на переднем плане) в районе станции Поньри. 1943 год.

стую трубку без табака — была у него в последние годы странная манера «курить» пустые трубки. «А вот Петров при его в общем немалом корреспондентском опыте, по-моему, всей опасности не представлял. А я ее чувствовал. Я даже заметил, что этот флегматик и правдолюб-наблюдатель сказал, а сам сжался и приник к земле, ожидая, что следующий снаряд в нас действительно грохнет».

Подумал-подумал и добавил, словно подытоживая эту тему: «Да мало ли чего было и что не попало в дневники. Эх, и куда не попадет! Такова писательская доля: видеть больше, чем сможешь изложить виденное на бумаге».

Симонов успел в войну столько, сколько — думаю, что не преувеличу, — не успел увидеть ни один из писателей. Где он

но довольно толстые, они, пришедшие с фронта в виде корреспондентов и очерков, возвращались обратно, но теперь уже на все фронты, и зачитывались там до дыр. Михаил Иванович Калинин в одной из своих речей во время войны сравнил боевую, страстную публицистику Ильи Эренбурга с действиями целого соединения. То же самое можно было сказать и о Симонове. Ведь кроме бесчисленных очерков и корреспонденций, написанных с самых, хочу подчеркнуть это слово, самых горячих, генеральных в тот момент боевых направлений (Западный фронт, Одесса, Севастополь, Рыбачий полуостров, снова Западный фронт, Сталинград, Орловско-Курская дуга, опять Западный фронт, Украинские фронты — Первый, Второй, Третий, Четвертый — потом Польша, Югославия,

наконец, поверженная в прах Германия, последние бои за Берлин — я перечисляю только самое, опять самое важное, где побывал Симонов — писатель и военный трудяга-корреспондент), ведь еще помимо повседневной, не терпящей малейшего отлагательства газетной работы (бой, бессонница, какие-то там давно потерявшие счет обстрелы и бомбежки не в счет!), он создавал и стихи, пьесы, рассказы, повести, выпускал новые сборники, вроде таких, как «Славянская дружба», «Югославская тетрадь», «Письма из Чехословакии»...

Останавливаясь: у меня уйдет целая страница на одно упоминание написанного Симоновым. Невероятно. Но факт. Я думаю о писателях, которые больше всех сделали для нашей Победы, и на меня, как в кино, наплывает немало имен, все укрупняясь со временем, и среди них одним из первых — Симонов. Все они знали «одной лишь думы власть».

Сколько не тысяч, а миллионы солдат мы могли бы поставить в навеки святой для нас ряд!

Для меня это и те, кого Симонов видел, с кем разговаривал, встречался, лежал в одних окопчиках под пронзительный вой мин и осколков снарядов, но не успел занести их на свои страницы.

Старший сержант Жулега, отличавшийся невероятной силой и ловкостью, бравший на Крайнем Севере «языков» столь неожиданно и бесшумно, что у немцев возникло пугающее их словечко «катценгешихте» («кошачья история»). Стоял часовой на посту, и нет его, без выстрелов и ночной суматохи нет, взят в плен и утащен в наше расположение.

Старший лейтенант Покрамович, умудрявшийся заходить в глубокие норвежские тылы и каждый раз приносивший разведданные, которым цены не было.

Старый селекционер с Алтая Пугачев. Он еще на Рыбачьем попробовал заняться своим мирным делом («Симонов когда слушал меня, — вспоминал он, — то смотрел с удивлением, как на чудака»). Но он-таки выра-

стил, правда, уже в 1944 году глядя с овсом, и на него, на его чудо-глядку приезжали все смотреть. Он получил первые не просто морозостойчивые, но полярно-, тундрустойчивые зерна.

И многие, многие другие. Живые и мертвые. Тут я уже говорю словами другого названия романа Константина Симонова.

Он сделал для нашей Великой Победы невероятно много. Когда я его снова увидел уже после войны, то сразу и не узнал: он очень изменился, юношеская округлость лица навсегда исчезла. Даже глаза потеряли синеву и стали скорее стальными. И появилось неторопливое, абсолютно несуетное спокойствие умудренного жизнью человека. Он по-прежнему любил и шутку, и даже розыгрыш, не потерял свойственного ему озорства, но приучился еще и всматриваться, вслушиваться, глядя в лицо собеседника и думая при этом что-то свое. В нем появилось то, что называется зоркостью и мудростью многое познавшего человека.

Но еще больше прежних качества развились и стала чисто симоновской невероятная работоспособность. Невероятная — этот эпитет, пожалуй, еще мало что говорит. Так получилось, что после войны они сменяли друг друга на посту главного редактора «Нового мира» — сначала Симонов, выведший этот журнал на новую стезю (в военные годы он вынужденно потонул и несколько потерял в весе и авторитете), затем Твардовский, потом снова Симонов, потом опять Твардовский... Так вот, мне с полгода пришлось работать с Симоновым. И, может быть, особенно сильное впечатление на меня произвел такой случай. Он уехал в командировку в Скандинавию. Вернулся, и всего через неделю я увидел, как машинистка печатает страницу, близкую к сотой, а может и перевалившую за эту цифру. «Что это?» — спросил я почти машинально. «Симоновские впечатления о поездке», — спокой-

рей Платон в себе ю время стим тругеля пуанаторий. внимани-наторий... аше оче-Платонов полк к

й Плато-с трево

сле вой-ответил

руженик. больше л ходить у умел и словиях. Платонов у швей-р ему на

о рядо-гах, стар-партиза-ик и ма-нелзя угим пи-

которую обходил ик врага, ашистов. человека, до кипе-вые пре-

ал очерк лдат». В да наши Минск. орусским зветского сий посо-ам побы-ерях для ых. Два и-ходи-фабри-

кам смерти. Страшные картины открылись нашему взору.

После посещения одного из лагерей Андрей Платонович слег в постель. Впоследствии Платонов писал:

«Путь человека может быть сужен нолючей проволокой и сокращен поперечными препятствиями — намерами допросов и пыток, карцером и могилой. Именно этой узкой дорогой, огранченной дебрями нолючей проволоки, и мимо подземного карцера мы проходили вслед замученным, вслед умершим советским солдатам и офицерам... В комбинате лагерей вокруг Минска — хутор Петрошневичи, урочище Уручье, урочище Дрозды, деревня Тростенец, урочище Шашковна, деревня Малый Тростенец, Тучинка и других — фашисты применяли всю, так сказать, композицию средств истребления, от голода до газа и огня, всю свою «промышленность» для производства массовой смерти советского народа...».

И Платонов делал вывод: «...Наша любовь и своему жи-вому народу и наша память о мертвых и замученных обра-щена яростью и мщением к убийце-врагу, она действу-ет огнем и оружием. Наша не-нависть и противнику питается нашей любовью к своему наро-ду, и поэтому наша энергия мщения неистощима».

Победа застала Андрея Платоновича на Эльбе, куда он до-шел вместе с нашими войска-ми.

Несколькими днями позже я видел Платонова в повержен-ном Берлине. Он выглядел по-молодевшим, хотя был по-преж-нему худой и по-прежнему силь-но кашлял.

— А ведь дошли, а? — гово-рил он скорее себе, чем мне. — От самой Волги, от самых Кавказских гор шли и дошли... Вышло по самому высшему че-ловеческому закону.

Один из оригинальнейших рус-ских советских писателей, пи-сатель совестливый, добрый, одержимый, неистовый и чест-ный, Андрей Платонович Плато-нов был и на фронте, честен и оригинален, смел и одержим.